Лорд Джон Старк

Джон не был уверен, кто положил младенца ему на руки. Ему, честно говоря, было все равно. Все его внимание, все его существо было сосредоточено на маленьком мальчике, которого он держал на руках. Младенец был прекрасен, почти неестественно красив. Джон подумал, что, возможно, испугался бы еще больше, если бы несколько минут назад не оказался лицом к лицу со своей, очевидно, тетушкой. Она все еще казалась чужой, пугающе чужой, но Джон не мог любить этого ребенка меньше из-за пучка серебристых волос на его маленькой головке или темно-фиолетовых глаз. Сливовый, подумал он, но он не обращал на это особого внимания, когда Мейстер Крессен занимался с ним цветоведением.

Младенец у него на руках потянулся в долгом глубоком зевке, и все мысли Джона, казалось, просто растворились в воздухе. Он не мог оторвать взгляда от крошечного человечка, лежащего у него на руках. Он действительно не думал, что когда-нибудь сможет полюбить кого-то так сильно, что это вообще возможно. Его горло сжалось, а грудь стала такой тяжелой, что он удивлялся, как это каждый его вдох не был похож на всхлип. Легкая, теплая тяжесть в его руках придавила его к земле так, как ничто и никогда не держало. Он не мог отвести взгляда, даже не думал, что смог бы это сделать, если бы весь мир угрожал обрушиться на его плечи.

На одно короткое мгновение Джон с болью осознал свой собственный возраст. Ему было четыре и десять именин, он был таким же мальчиком, как и взрослым мужчиной, а до совершеннолетия ему оставалось еще два года. И он был ещё слишком молод, так неквалифицирован, чтобы дать своему сыну то, что ему было нужно. Но его сын был здесь, теплый и настоящий в его объятиях, и что бы ни случилось, Джон просто должен быть достаточно взрослым, чтобы заботиться о нем, защищать его и быть отцом, в котором он будет нуждаться. Он подумал, что Эддард Старк и Эртур Дейн, его собственные отцы во всем, кроме крови, чувствовали то же самое, когда он сам был младенцем. Крошечные, невероятно сильные пальцы сомкнулись вокруг его большого пальца, и Джон подавил внезапный приступ эмоций. Он наклонился и прижался губами ко лбу сына. Никогда еще он не любил и не будет любить другого человека так глубоко.

В конце концов именно этот младенец вывел Джона из состояния транса. К тому времени он уже кричал, крошечное тельце извивалось, и ничто из того, что делал Джон, казалось, не имело никакого значения, когда дело доходило до того, чтобы успокоить его. "Малышу нужна его мать", - сказала ему Леди Оленна. "Мне кажется, он голоден".

Джон кивнул и позволил отвести себя в родильную палату. Все страхи, которые он изо всех сил старался отогнать, внезапно появились, притягивая и отталкивая его. Маргери была сильной женщиной. Она верила в себя, в свое будущее так, как не верила мать Джона. У нее был обученный, опытный Мейстер, чтобы помочь ей. Джон должен был верить, что этого будет достаточно. Он вовсе не был идиотом. Он достаточно хорошо знал, что более молодая мать с гораздо большей вероятностью погибнет при родах, а его собственная покойная Леди-мать была старше Маргери более чем на год. С тех пор как дядя Эртур рассказал ему правду о его происхождении, эта часть истории снова и снова прокручивалась в его голове, пока не свела его с ума. Если бы Лорас не вывел его во двор, если бы не появилась его тетя... Джон не знал, как бы он справился с нахождением рядом с Маргери, сохранив при этом рассудок. "Конечно", - сказал он и позволил Леди Оленне проводить себя в родильную комнату.

Должно быть, кто-то сменил простыни. Они выглядели нетронутыми, белыми, как свежевыпавший снег. Маргери была бледнее, чем Джон ее когда-либо видел, ее щеки были

молочно-белыми, а глаза невыносимо усталыми. Но в ней еще теплилась жизнь. Эта кривая улыбка играла на ее губах, несмотря на усталость, а в глазах все еще мерцал огонек, который заставил Джона пожалеть, что у него не хватает смелости подойти достаточно близко, чтобы поцеловать ее. Маргери вытянула вперед руки, казавшиеся одновременно невыносимо слабыми и невероятно сильными. "Дай его мне", - приказала она, и Джон не смог бы отказать ей, как не смог бы остановить приближение зимы. Так нежно, как только мог, натренированный почти горсткой младших братьев и сестер, он положил младенца обратно на руки матери и смотрел, как она отодвинула свою сорочку и позволила младенцу сосать свою собственную грудь. В течение долгих мгновений она только и делала, что смотрела на младенца, по-видимому, так же зачарованно, как и он сам, и Джон, по правде говоря, был настолько зачарован, что не думал, что когда-нибудь сможет отвести взгляд. Он не мог сдержать громкого вздоха облегчения, когда она приняла этого ребенка, который не был похож ни на одного из них, а выглядел как нечто из песни или фантазии, ребенок, который мог бы подвергнуть их такой же опасности, как его собственные драконы, когда они вырастут. "Клянусь Семерыми, Джон", - выдохнула Маргери. Ее глаза были твердо прикованы к крошечному телу в ее руках. "Он само совершенство".

Джон, несмотря на то что малыш выглядел совершенно чуждым всему, что он когда-либо знал, не мог не согласиться. "Так и есть", - выдавил он, и голос его дрогнул на середине даже этой простой фразы. С некоторым усилием он оторвал взгляд от новорожденного сына и посмотрел на жену. Он заметил ее бледность, изможденное выражение лица и отбросил свой страх. Независимо от того, какой пример подала его собственная мать, Маргери не погибнет здесь. У них был Мейстер Крессен, который готов был отдать свою жизнь за нее. А Маргери была такой сильной, у нее было столько всего, ради чего стоило жить. Джон все еще не знал, как относиться к смерти своей Леди-матери и к тому чувству вины, которое лежало в ее основе. Он только знал, что никогда не позволит своей собственной жене чувствовать то, что должна была чувствовать Лианна Старк в конце концов. И слава богам, по крайней мере в этом он преуспел. Маргери выживет. Джон должен был поверить в это, иначе он не знал, как ему снова собраться с мыслями. Прямо сейчас, собираться с мыслями, казалось, единственное что он делал всю свою жизнь, и он так устал, так устал от этого. Так или иначе, его малыш увидит лишь мир. Он поклялся в этом Старым Богам и Новым. "Так и есть", - повторил Джон, не в силах подобрать других слов, и его дыхание стало почти болезненным, будто оно застряло в горле. "Как и его Леди-мать".

Без всякого предупреждения Маргери протянула свободную руку, схватила его за подбородок и крепко сжала, удерживая их взгляды вместе достаточно долго, чтобы Джон воспользовался ее уверенностью и взял себя в руки. Боги, как только один человек может быть таким сильным? Как он вообще мог подумать прожить так долго без нее? "И как ты хочешь его называть?" Спросила она. "Только не говори мне Эддард", - добавила она, прежде чем он успел заговорить. "Я знаю, что ты ему должен. Я знаю, как ты его любишь. Но он не будущий Хранитель Севера. Наши знаменосцы могли бы принять имя Старка для дочери. Но только не для наследника".

Джон с такой силой проглотил комок, что его звук вполне мог долететь до другого конца замка. "Эймон", - наконец произнес он. "Я знаю, что ни один король никогда не носил этого имени", - быстро добавил он. "Но все люди, носившие его, были людьми чести. Когда я рос, все, чего я хотел, это стать Рыцарем-Драконом. Вот те ценности, которые я хотел бы привить нашему мальчику". Он глубоко вздохнул и тоже расправил плечи.

"Эймон", - повторила она, произнося имя медленно, словно пробуя на вкус слоги один за другим. Наконец она кивнула, глядя на младенца с такой нежностью в глазах, что Джон готов был заплакать, глядя на нее. "Мой маленький Рыцарь-Дракон", - прошептала она, прижимаясь

губами к его пушистой серебристо-белокурой голове с тонкими волосами. Младенец еще немного повозился у нее на руках, а потом удовлетворенно улегся, счастливо посасывая материнскую грудь. Мгновение спустя Джон слишком остро ощутил собственную усталость. Когда Маргери протянула ему свободную руку, приглашая лечь с ними в постель, Джон не смог отказать ей, даже если бы захотел. С чем-то близким к отчаянному вздоху, он рухнул на ее перину и позволил ей притянуть себя ближе и провести пальцами по волосам. И когда он наблюдал с расстояния всего лишь одного фута, как его сын кормится у ее соска, он знал, что у него есть семья, о которой он даже не смел мечтать раньше.

http://tl.rulate.ru/book/40965/913109